

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2023_1_88

ПРОФИЛАКТИКА СКУЛШУТИНГА КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЗАДАЧА: КЕЙС НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2023 г.

П.К. Карасев, С.А. Судьин

Карасев Павел Константинович, министр внутренней региональной и муниципальной политики
Нижегородской области

sudjin@mail.ru

Судьин Сергей Александрович, д.соц.н.; проф.; заведующий кафедрой общей социологии
и социальной работы

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

sudjin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2022

Статья принята к публикации 31.01.2023

Представлен региональный опыт создания системы профилактики скулшутинга, выстроенной на основании данных отечественных и зарубежных научных исследований, а также анализе конкретных случаев. Проводится социологическое различие между феноменами «скулшутинг» и «Колумбайн», обосновывается роль школьного насилия в формировании деструктивных поведенческих паттернов. Региональная система профилактики скулшутинга интегрирует ресурсы научно-исследовательских организаций, правоохранительных органов и медицинских учреждений. В 2021 г. создана межведомственная рабочая группа, в состав которой входят руководители и представители областных министерств образования, науки и молодежной политики, внутренней региональной и муниципальной политики, департамента региональной безопасности, Центра противодействия экстремизму ГУ МВД, УФСБ, а также высших учебных заведений – Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Приволжского исследовательского медуниверситета, Нижегородского государственного педуниверситета им. К. Минина.

Разработана и согласована «дорожная карта» реализации мероприятий, направленных на профилактику и выявление деструктивного поведения молодежи. Основные направления деятельности – организация просветительских мероприятий для педагогов, формирование методических пособий для учителей и преподавателей, организация мониторинга и тестирования, создание алгоритмов действий для образовательных учреждений, а также аккумулирование информации и налаживание межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: скулшутинг, «Колумбайн», школьное насилие, психическое здоровье, межведомственное взаимодействие, региональный контекст.

Введение

Случай скулшутинга, то есть «планирования, организации, совершения вооруженного нападения в/на территории образовательного учреждения (любого уровня) одним или несколькими учащимися с целью массового убийства» [1, с. 93], ставшие невероятно популярной темой в мировой социальной повестке в последние два десятилетия, актуализировали не только интерес к личности стрелков, их мотивам и социально-психологическим факторам формирования соответствующих паттернов, но и вопросы о возможностях и роли властных институтов в процессе их профилактики. Многоликость и многоаспектность скулшутинга, вобравшего в себя биологические, психологические, социальные и культурные аспекты, обуславливают по-

требность в организации сложного процесса межведомственного взаимодействия с привлечением специалистов из разных сфер науки и практики. Организация и координация такой деятельности требуют соответствующих административных ресурсов и знаний о сути явления, его характеристиках и динамике с учетом специфики конкретного региона. Целью данной статьи является описание региональной системы мер по профилактике скулшутинга на примере Нижегородской области, выстроенной на основании результатов научных исследований и анализе конкретных случаев.

Последние годы охарактеризовались целой чередой инцидентов скулшутинга и сообщений о предотвращении очередной кровавой драмы. Кратко охарактеризуем наиболее яркие случаи.

17 октября 2018 г. 18-летний студент Керченского политехнического колледжа Владислав Росляков устроил атаку на свое собственное учебное заведение, вооружившись помповым ружьем и несколькими самодельными взрывными устройствами. В результате нападения погиб 21 человек, включая самого Рослякова, 67 получили ранения [2].

11 мая 2021 г. 19-летний Ильназ Галябиев, вооружившись охотничьим ружьем, направился в гимназию №175, которую он окончил несколько лет назад. На улице его видели несколько человек, однако не обратили внимания на странного юношу с оружием и не вызвали полицию. Впоследствии молодой человек расскажет, что уже продолжительное время ненавидит весь мир. В результате нападения погибли девять человек (семь учеников и два педагога), еще 23 человека пострадали [3].

20 сентября 2021 г. студент первого курса юридического факультета Пермского государственного университета Тимур Бекмансуров вошел в здание образовательного учреждения и открыл огонь по охраннику и людям. Студенты забаррикадировались в учебных залах, однако чуть менее часа юноша ходил по корпусам и стрелял по попадавшимся ему ученикам и педагогам. Было убито шесть человек [4].

Еще одним трагическим случаем стало массовое убийство в школе № 88 г. Ижевска, произошедшее 26 сентября 2022 г. В результате атаки погибли 17 человек, в числе которых были 11 учащихся в возрасте от 7 до 15 лет. Еще 39 человек получили ранения различной степени тяжести [5]. Нападавший – 34-летний Артем Казанцев, с 2011 г. состоявший на учете у психиатра. Это стало весьма значимой деталью, поскольку роль «психиатрических» факторов, первоначально превалировавших в объяснениях мотивов подобных акций, была признана несостоятельной. В связи с этим можно ожидать повторной медиализации дискурса школьного насилия.

Степень разработанности проблемы

Полиформизм и многоаспектность скулшутинга обеспечили ему достаточно широкую представленность в социологических исследованиях. С самых первых случаев массовых расстрелов основной фокус внимания был сосредоточен на личности стрелков, социально-психологических и социально-демографических характеристиках, которые могли оказать влияние на формирование подобного поведенческого паттерна. Это логично увязывалось с гипотетической возможностью формирования некоего

«профиля» школьного стрелка или превентивной диагностики риска нападения по совокупности определенных личностных особенностей. Так, П. Лангман в своей статье [6] проанализировал 64 случая нападений с человеческими жертвами в американских школах в период 1966 – 2015 гг. В качестве независимых переменных выступали возраст, место нападения, расовая или этническая принадлежность, масштаб нападений и частоты самоубийств преступников. В результате было выявлено, что нападения совершаются лицами разных возрастных групп, представителями разных рас и этносов, что позволило сделать вывод о значительной динамике портрета школьного стрелка и фактической невозможности составления его профиля. Позднее это было подтверждено и отечественными исследователями [1].

Новым направлением разработки профилактики скулшутинга стал поиск всевозможных маркеров, т.е. наблюдаемых признаков, свидетельствующих о нарастающей угрозе, – от предпочтений в одежде, надписей или картинок до сложных визуальных образов и музыкальных композиций, как-то символизирующих или само преступление, или подготовку к нему, или отражающих ценности деструктивных субкультур, подталкивающих к массовым расстрелам. Базы подобных символов формировались в результате анализа вещей, принадлежащих преступникам, прослушивания их видео- и аудиоконтента и т.д. В настоящее время можно говорить о сборе достаточно широкого и постоянно пополняемого набора признаков принадлежности к деструктивным субкультурам [7].

Управленческий аспект профилактики скулшутинга – новое направление разработки проблемы; в данной статье предпринимается попытка заполнения данной лакуны.

Теоретические подходы и эмпирический материал

Какими бы ни были мотивы школьных расстрелов, все эти случаи получили самое широкое освещение в прессе и имели широкий общественный резонанс. Все эти трагедии (на что в первую очередь обращают внимание и ученые, и журналисты) сходны с приемами международного деструктивного течения «Колумбайн», названного в честь американской средней школы в штате Колорадо, где в 1999 г. впервые произошло массовое убийство учащихся и педагогов.

Характерными чертами идеологии «Колумбайн» являются ненависть к человечеству, отношение к людям как к биомусору, крайний солипсизм, то есть признание своего субъ-

Рис.

активного взгляда на мир единственно правильным; героизация (вплоть до обожествления) наиболее одиозных исторических персонажей, канонизация связанных с ними дат и событий. Подобные проявления молодежной протестной активности привлекательны для других деструктивных культов, готовых использовать его в своих интересах. Необходимо отметить, что 2 февраля 2022 г. решением Верховного суда РФ движение «Колумбайн» было признано террористическим со всеми вытекающими правовыми последствиями.

При их внешней схожести (интенциональный характер действия, выраженная деструктивность, одинаковость поведенческого паттерна), в научной литературе существует достаточно четкое разделение понятий «Колумбайн» и «скулшутинг», в основу которого положены *ведущие мотивы* расстрела. «Колумбайн» – действие *оперантное*, основанное на субъективных представлениях о никчемности человечества, бессмысленности существования. «Скулшутинг» – это форма *респондентного* поведения, то есть проявляющегося в ответ на определенные, порой долговременные воздействия – травлю, харассмент, иные формы унижения, предшествующие стрельбе [8]. Следовательно, с социологической точки зрения, скулшутинг представляет больший интерес, поскольку в его генерацию вовлечено большее количество структур и институтов во всем многообразии их взаимосвязей. Среди таковых: семья, школа, законодательство, регулирующее оборот оружия, социально-культурные детерминанты восприятия и приемлемости насилия.

Каковы же социальные факторы скулшутинга? В чем его месседж и кому в конечном итоге он адресован?

Ключевым социальным пространством его генерации и одновременно его основной целью является школа. Скулшутер, как правило, совершает свои действия на ее территории, в учебное время и на глазах у школьного сообщества. Потребность стрелка в аудитории можно подтвердить с помощью анализа распределения случаев стрельбы в школах по месяцам [9] (рис.).

Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, сравнительно низкое число нападений в июне и июле: в это время школы, как правило, закрыты и массового убийства с широким освещением в прессе организовать не получится. Во-вторых, жертвы школьной стрельбы обычно случайны, что свидетельствует о том, что действия школьного стрелка не направлены на конкретных членов школьного сообщества; они адресованы школе как социальному институту.

Какими бы ни были объяснительные стратегии, очевидной причиной подобного поведения является ощущение неудовлетворенной потребности в социальной интеграции. Это является следствием открытого физического насилия, коммуникативных девиаций, травли, систематических унижений, игнорирования, а также порчи личных вещей, кибербуллинга и угроз.

Данные исследования, проведенного в США, вошедшие в специальные памятки по распознаванию ранних признаков грядущего скулшутинга, свидетельствуют, что лишь 24% стрелков были мотивированы желанием получить внимание или признание; 27% – суицидальными мыслями или отчаянием; 61% мотивированы желанием отомстить. Чувствовали издевательства/преследования/угрозу со стороны других 75%. Это свидетельствует не только о респондентном характере скулшутинга, но и о низкой способности школ обеспечить необходимый уровень интеграции классного коллектива и снизить риски социальной сегрегации и социальной эксклюзии.

Сошлемся на результаты конкретных исследований, позволяющих оценить данную ситуацию в динамике.

В период с октября 2012 по март 2013 г. коллективом кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского под руководством профессора З.Х. Саралиевой был реализован масштабный исследовательский проект «Школа: обыденность насилия. Анализ социокультурных корней в современной российской школе», в рамках которого были опрошены

почти 1500 учащихся различных типов учреждений среднего образования, 40 директоров и социальных педагогов, почти 500 родителей и два уполномоченных по правам ребенка в двух регионах Приволжского федерального округа.

Исследование было посвящено широкому кругу вопросов, так или иначе связанных с насильственными проявлениями в учреждениях среднего образования как одним из фундаментальных институтов социализации, закладывающим базовые модели разрешения конфликтных ситуаций и взаимодействия в целом. Среди них: специфика восприятия насилия различными группами (учениками, учителями, родителями, руководством школ); основные тенденции и особенности проявления насилия в школе; уровень развитости компетенций, необходимых для купирования насильственных действий на максимально ранних стадиях и их профилактики; уровень осведомленности родителей о признаках виктимизации ребенка.

Каковы же основные тенденции, характеризующие школьное насилие и обуславливающие трудности его выявления на ранних стадиях?

Среди основных тенденций было отмечено *омоложение* школьного насилия. Если за 10–15 лет до момента проведения исследования основными субъектами насилия были подростки и юноши, то есть ученики 7–11 классов, то в наше время эта проблема становится актуальной и для начальной школы. Очевидная опасность подобной динамики состоит, прежде всего, в неспособности субъекта насилия адекватно оценить свои действия и их последствия для жертвы, а также в субъективной приемлемости этого поведения на самых ранних этапах социализации.

Другая черта – *ожесточение и ужесточение* его проявлений, дезактуализация прежних правил, например драка «до первой крови», использование запрещенных, откровенно подлых приемов, характерных для уличных драк и чреватых серьезными последствиями для участников. Сюда же можно отнести и использование для достижения целей насильственного поведения различных видов оружия, чаще всего холодного.

Не менее тревожным обстоятельством является *стирание гендерных различий*. Представление о драках и иных насильственных проявлениях как о типично мальчишеских поведенческих паттернах больше не соответствует действительности. Как показали результаты исследования, девочки подчас демонстрируют не только более жестокие поведенческие модели: акты насилия в их исполнении могут быть даже более изощренными и жестокими, поскольку они всегда включают и психологический компонент, умело играют на привязанностях, слабостях и страхах.

Развитие информационных технологий, расширение возможностей для приема и передачи текстовой, звуковой и визуальной информации не могли не сказаться и на разнообразии самого набора насильственных действий. В этом контексте необходимо упомянуть о распространении кибербуллинга, от которого невозможно избавиться даже дома после уроков. Доступ к компрометирующей или нежелательной информации открывает возможности для манипулирования и шантажа, создает серьезные угрозы физическому и психическому благополучию жертвы вплоть до суицидальных попыток или, напротив, желания жестоко отомстить обидчикам или невольным соучастникам.

Динамика социальной структуры привела к изменению этнического состава российского общества, что породило новые социальные группы, склонные к насильственному или к виктимному поведению. Опрошенные отмечали, что жертвами насильственных проявлений в школах чаще всего становятся дети выходцев из Средней Азии, в большинстве занятых неквалифицированным трудом. Крайняя нестабильность их социально-экономического положения воспроизводится и в поколении их детей, имеющих трудности в обучении, не владеющих в достаточной степени русским языком и неспособных полноценно интегрироваться в школьный коллектив, особенно в случае его сопротивления этим попыткам.

Все это – благодатная почва для формирования ответной реакции, крайней формой которой может оказаться стрельба. Для профилактики подобных явлений необходимо помнить: одностороннего конфликта не бывает, и субъектами подобной коммуникации являются и стрелки, и их жертвы, в течение долгого времени посылавшие скулшутеру и свои месседжи.

В качестве примера приведем конкретные случаи скулшутинга, имеющие доказанную связь с предшествующим буллингом:

– массовое убийство в Мюнхене 23.07.2016. Количество жертв: 9 человек убиты, 32 ранены;

– массовое убийство в начальной школе «Сэнди-Хук» 14.12.2012, штат Коннектикут, США. Количество жертв: 27 человек убиты, 2 ранены;

– массовое убийство в Вирджинском политехническом институте 16.04.2007, штат Вирджиния, США. Количество жертв: 33 убитых, 25 раненых;

– бойня в школе Бата 18.05.1927, штат Мичиган, США. Количество жертв: 44 убитых, 58 раненых.

Сложность предотвращения подобных случаев складывается из целого ряда обстоятельств.

Прежде всего, не существует единого профиля школьного стрелка. Напротив, ученики, совершившие нападения, отличались друг от друга по многим параметрам; другими словами, различий в нападениях больше, чем сходства, что затрудняет построение каких-либо типологий и выработку защитных поведенческих паттернов. Важно знать, однако, что наиболее распространенной целью большинства школьных расстрелов было возмездие. Многие скулшутеры в течение нескольких месяцев, предшествовавших нападению, пережили серьезную личную потерю, например смерть близкого родственника или развод родителей. Все эти сигналы могут стать важной информацией для предотвращения трагедий. Известно, что школьные перестрелки редко бывают импульсивными действиями, как правило, они продумываются и планируются заранее. Во многих случаях к нападению в том или ином качестве были причастны другие учащиеся, не сообщившие об этом взрослым. Также очевидна связь скулшутинга с регулярным потреблением агрессивного контента.

Результаты

В настоящее время при организационной поддержке министерства внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области коллективом факультета социальных наук реализуется вторая волна исследования, посвященная проблематике школьного насилия и скулшутинга с использованием инструментария, позволяющего провести сравнение динамики основных параметров за десять лет с последующей оценкой факторов, оказывающих наибольшее влияние на фиксируемые изменения.

Среди них – нарастающая гаджетизация и цифровизация всех сфер социального функционирования, усиление роли поколения Z в системе социальных отношений, появление новых рисков и угроз.

Понимание биопсихосоциальной природы человека заставляет обратить внимание на более глубокие факторы, обуславливающие склонность к подобным формам донесения скулшутерами своего меседжа до социального окружения. Несмотря на то, что психиатрические факторы скулшутинга в настоящее время практически не рассматриваются в качестве объяснительной стратегии, социальная перцепция данной проблемы тесно связывает школьное насилие с уровнем психического здоровья насильников и жертв. Согласно статистическим данным, от различных психических нарушений страдают 18% детей, 5% из них больны весьма

серьезно. Это означает высокую вероятность того, что в каждом классе каждой школы будет обучаться как минимум один ребенок или подросток с особенностями психического развития. Это предъявляет принципиально новые требования к системе образования в целом и контролю над ситуацией внутри школы. В настоящее время признается, что именно школе принадлежит ведущая роль в распознавании и лечении психических расстройств у детей, также подчеркивается роль школы как ведущего института охраны психического здоровья детей [10, с. 102–103].

Приволжским исследовательским медицинским университетом совместно с кафедрой социологии НИЦ РАНХиГС разработана собственная методика комплексного этнокультурального, социодемографического и клиникопсихопатологического обследования. Разработана анкета для выявления аутоагрессии и гетероагрессии у лиц подросткового возраста. Проведено пилотное обследование учеников средней школы и средних специальных учебных заведений.

В рамках данного проекта обследовано 1346 учащихся Нижнего Новгорода и Нижегородской области в возрасте 10–18 лет, которые не обращались за психиатрической и/или наркологической помощью ранее. В результате психические расстройства выявлены у 30.8% обследованных подростков. Определено, что до 20% обследованных подростков подвергались физическому насилию во время обучения в школе, до 35% – буллингу и/или кибербуллингу. Напомню, что именно среди жертв физического насилия и буллинга значительно выше уровень депрессивных и тревожных расстройств, что может сказаться на их социализации, а точнее, вызвать проявление асоциальных деструктивных действий с их стороны, оказав свое влияние на формирование поведенческого паттерна скулшутинга как особой формы коммуникации.

Комплексный характер проблемы скулшутинга требует комплексных мер для ее решения. В 2021 г. создана межведомственная рабочая группа, в состав которой входят руководители и представители областных министерств образования, науки и молодежной политики, внутренней региональной и муниципальной политики, департамента региональной безопасности, Центра противодействия экстремизму ГУ МВД, УФСБ, а также высших учебных заведений – Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, Приволжского исследовательского медуниверситета, Нижегородского государственного педуниверситета им. К. Минина.

Разработана и согласована «дорожная карта» реализации мероприятий, направленных на

профилактику и выявление деструктивного поведения молодежи. Основные направления деятельности – организация просветительских мероприятий для педагогов, формирование методических пособий для учителей и преподавателей, организация мониторинга и тестирования, создание алгоритмов действий для образовательных учреждений, а также аккумуляция информации и налаживание межведомственного взаимодействия.

Мы отдаем себе отчет, что попытки различного влияния на общество извне будут только нарастать. Системная работа по профилактике деструктивных воздействий на население страны как можно скорее должна получить соответствующую научную и практическую платформу, которая, в том числе, сможет обеспечить своевременное эффективное реагирование на возникающие изменения и возможные новые вызовы. Крайне важно, чтобы эта платформа имела распространение по всей стране, чтобы не было «белых пятен» или слабых мест. Мы готовы делиться со всеми своими разработками и призываем всех к совместной научно-практической деятельности в этой сложнейшей сфере.

Список литературы

1. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7920.

2. Массовое убийство в керченском колледже: хронология трагедии. URL: <https://crimea.ria.ru/2018/1017/1115403557.html> (дата обращения: 15.12.2022).

3. Число погибших в результате стрельбы в школе в Казани возросло до девяти. URL: <https://tass.ru/proisshествiya/11343113> (дата обращения: 15.12.2022).

4. Число пострадавших в результате стрельбы в пермском вузе увеличилось до 47. URL: <https://tass.ru/proisshествiya/12496419> (дата обращения: 15.12.2022).

5. Что известно о стрельбе в школе в Ижевске. URL: <https://tass.ru/proisshествiya/15867201/amp> (дата обращения: 10.12.2022).

6. Langman P. Multi-Victim School Shootings in the United States: A Fifty-Year Review // Journal of Campus Behavioral Intervention (J-BIT). 2016. 4. P. 5–17.

7. Силантьев Р.А., Голубин Р.В., Дунаева Н.И. и др. Кто такие колумбайнеры и как их распознать: Методическое пособие. Н. Новгород: Правительство Нижегородской области, 2022. 70 с. (ДСП)

8. Карасев П.К. Скулшутинг как коммуникативная практика // Материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы» / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 46–48.

9. Böckler N., Seeger T., Sitzer P., Heitmeyer W. (Eds.) School Shootings: International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention (1st ed.) Springer Science+Business Media, 2013.

10. Судьин С.А. Психическое здоровье как фактор школьного насилия в России и США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 100–104.

PREVENTING SCHOOL SHOOTING AS A GOVERNANCE CHALLENGE: THE CASE OF NIZHNY NOVGOROD REGION

P.K. Karasev¹, S.A. Sudin²

¹Minister of Internal Regional and Municipal Policy of Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper presents the regional experience of creating a system for prevention of school shooting based on the data of domestic and foreign scientific research as well as the analysis of specific cases. A sociological distinction is made between the phenomena of «school shooting» and «Columbine», the role of school violence in the formation of destructive behavioral patterns is substantiated. A regional system for the prevention of school shooting integrates the resources of research organizations, law enforcement agencies and medical institutions. In 2021, an interdepartmental working group was established that includes heads and representatives of regional ministries of education, science and youth policy, internal regional and municipal policy, regional security department, Centre for counteraction to extremism of the Main Department of Internal Affairs, Federal Security Service, as well as higher educational institutions: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Privolzhsky Research Medical University, K. Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod.

A roadmap of activities aimed at prevention and detection of destructive behaviour among young people was developed and agreed upon. The basic directions of activity – organization of educational events for teachers, formation of manuals for teachers and trainers, organization of monitoring and testing, creation of algorithms of actions for educational institutions, and also accumulation of information and adjustment of interdepartmental interaction.

Keywords: school shooting, Columbine, school violence, mental health, inter-agency cooperation, regional context.